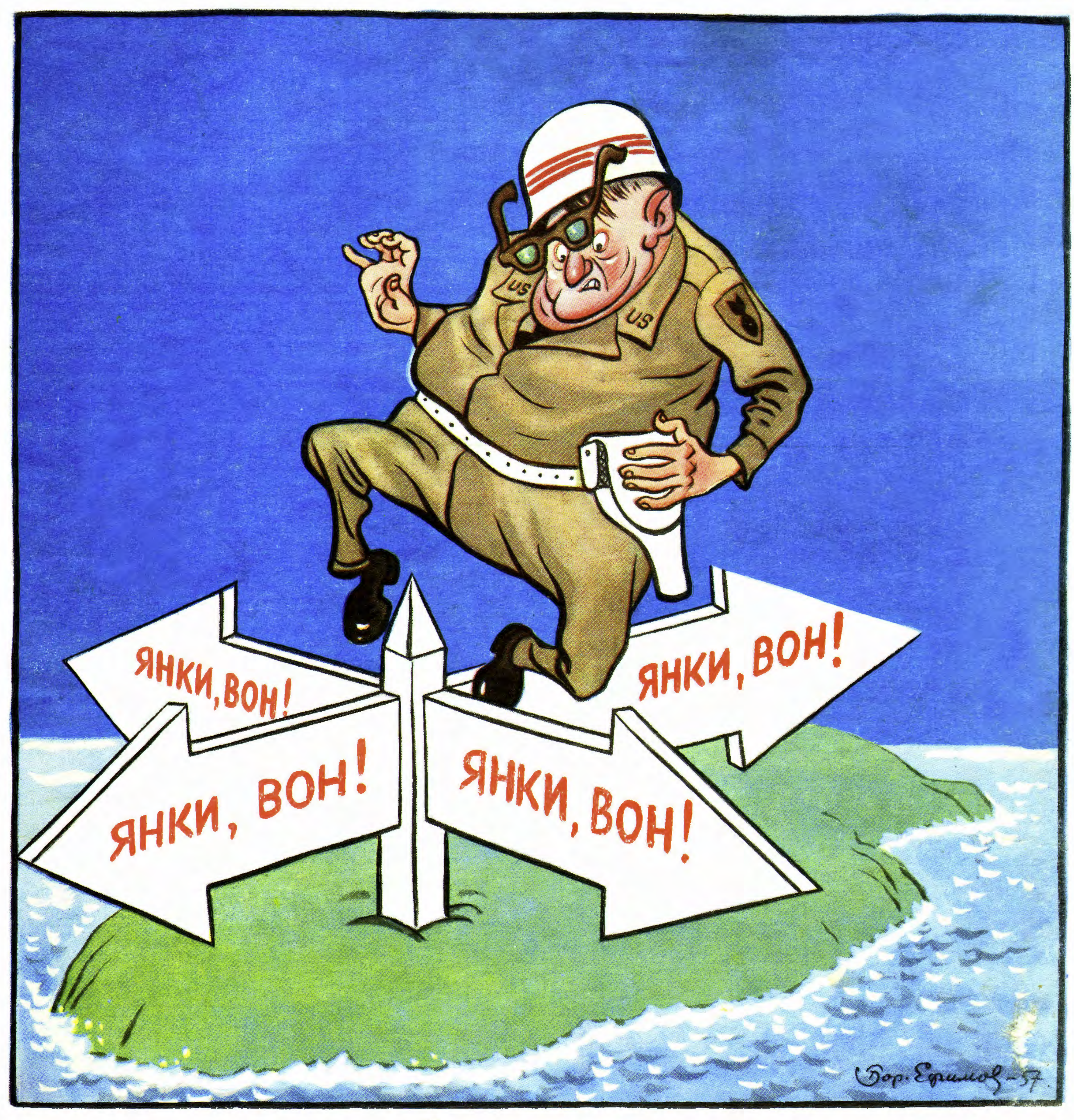
НА ТАЙВАНЕ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Путевые указатели.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 18 30 июня (1488) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 36-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Открытое письмо

Председателю Совнархоза Мордовской АССР Евгению Анисимовичу ВЕСЕЛОВСКОМУ

Уважаемый Евгений Анисимович!

Вам, вероятно, сейчас некогда предаваться воспоминаниям. Новая работа, новые заботы и впечатления... Где уж тут оглядываться назад, когда надо смотреть вперед! Но я, мысленно присутствуя на вашем административном новоселье, невольно вспоминаю некие знаменательные события из недавнего прошлого...

«Люблю грозу в начале мая»,— сказал поэт. Однако этого никак не мог бы сказать управляющий трестом «Мордовстрой» М. Ф. Вечканов в начале мая текущего года, когда его распекал в своем кабинете министр городского и сельского строительства РСФСР.

— Вы что воображаете? — гремел министр. — Вы думаете, что башенные краны у меня, как мандарины, на деревьях растут?

— Но позвольте! — пробовал возражать управляющий. — При создавшемся положении...

— Не позволю! — сурово отвечал министр.— Вы со своей местной колокольни смотрите, а у меня масштаб всей Российской Федерации. — И добавил язвительно: — Может, прикажете мне снять краны у «Якутстроя» или «Куйбышевстроя» и вам отдать?

— Войдите в положение... Кран необходим для пускового объекта...

— Работать не умеете! При вашем объеме работ у вас и так много лишних строймеханизмов! Идите!

А через месяц, в начале июня, произошло непредвиденное: управляющий трестом «Мордовстрой» вместе со всеми его заместителями и механиками был срочно вызван в Москву, к министру.

Вызванные трепетали. «Ну,— думали,— будет повторная гроза! Не иначе, снова пойдет речь о местной колокольне».

И вот они в кабинете министра.

— Садитесь,— приветливо сказал министр.— Докладывайте, какие строймеханизмы нужны вашему тресту.

Приглашенные опасливо переглянулись: «Эге, братцы, тут какой-то подвох! Надо держать ухо востро». И управляющий трестом сказал, осторожно нащупывая почву:

— Говоря строго объективно и учитывая ваше предыдущее указание насчет местной колокольни...

— Да уж ладно, какая там колокольня! — добродушно отмахнулся министр. — Валяйте, называйте все, что нужно. И можете не стесняться, с запасом требуйте!

...Затрещали телефоны, схватились за голову работники «Главстроймеханизации»:

— Помилуйте! Откуда же взять для «Мордовстроя» такую уйму механизмов? Ведь все они уже распределены!

— Ну, что ж,— решительно сказал министр.— А мы их перераспределим! Дайте-ка мне ведомость.

И его красный карандаш с необыкновенной быстротой начал летать по ведомости, совершая молниеносные рейсы между Воронежем и Якутском, Брянском и Читой.

— Башенные краны снимите у «Якутстроя» и «Куйбышевстроя»...

— Но ведь они выделены им по вашему личному приказу! — стонали работники «Главстроймеханизации».

— Не имеет значения... Автокран передадите «Мордовстрою» за счет треста «Томскстрой». Малярную станцию...

— Но позвольте же...

— Не позволю! Малярную станцию возьмем у «Саратовстроя», металлические леса — у «Брянскстроя» и «Воронежстроя», экскаватор «Э-652»... Гм! Где бы взять экскаватор? Ладно, его тоже можно забрать у «Воронежстроя»...

Так в течение получаса стремительными зигзагами красного карандаша было снято около 50 позиций оборудования у строительных трестов во многих городах Российской Федерации.

Но столь неожиданно и бурно вспыхнувшая отеческая любовь министра к «Мордовстрою» на этом не исчерпалась. Он срочно вызвал инженера «Горсельстроя» тов. Казаковскую. И на нее было возложено ответственное оперативное задание: именем министра забрать у любого треста лабораторное оборудование, все недостающее приобрести за наличный расчет — и марш-марш в «Мордовстрой», чтобы организовать там показательную лабораторию!

Сияющие и недоумевающие выходили из кабинета мордовстроевцы. Впрочем, их недоумение тут же разрешил один хорошо осведомленный работник министерства.

— Как?!. Разве вы ничего не знаете? — воскликнул он, сделав большие глаза.— Ведь наш министр уже без пяти минут не министр. Он же назначен к вам в Мордовию председателем Совнархоза!

...Да, ничего не скажешь, отличились вы напоследок на министерском посту, уважаемый Евгений Анисимович: еще держали в руках бразды правления по городскому и сельскому строительству в масштабе Российской Федерации, а сами уже того... использовали свое служебное положение в интересах «местной колокольни» (кажется, так вы изволили выразиться, когда была «гроза в начале мая»?).

В заключение пожелаю вам работать на новом посту не теми методами, которыми вы работали на старом в последние дни. Того же вам желают тресты «Якутстрой», «Куйбышевстрой» и прочие. Очевидно, им еще придется расхлебывать кашу, которую вы заварили.

Крокодил

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Теперь я тоже стал постоянным участником выставки!

Рисунок В. ГРИГОРЬЕВА (из журнала «Перец»).

Нет такой культуры, которая могла бы равняться с кукурузой, потому и зовут кукурузу королевой полей.

Оказывается, в Миргороде живут «в трогательной дружбе два друга... два почтенные мужа, честь и украшение» всего Миргородского района... Мы имеем в виду не гоголевских Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича, а председателя исполкома райсовета депутатов трудящихся Михаила Филипповича Шейко и секретаря райкома партии Федора Михайловича Гончаренко.

Вот уже сколько лет, возглавляя Миргородский район, они непоколебимы и тверды не только на своих постах, но и в той трогательной дружбе, которую, к нашему всеобщему огорчению, не удалось сохранить прославленным миргородцам Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу из-за злополучного «гусака»...

А ведь сколько было поводов для настоящей ссоры! Взять хотя бы историю с праправнучкой бурой свиньи, утащившей когда-то просьбу Ивана Никифоровича из канцелярии суда. Эта праправнучка тоже оказалась довольно коварной.

Было время, когда Михаил Филиппович и Федор Михайлович гордились новой породой:

— Наша миргородская самая скороспелая! Не животное, а прямо-таки сокровище. И, если хотите знать, мы всю нашу область снабжаем породистым молодняком. Да что область, по всей Украине миргородская рябая распространяется!

Но тут вдруг выяснилось, что колхозы Миргородского района уж очень мало производят мяса на 100 гектаров земли. Их и скороспелая свинья не может выручить: заартачилась! Не хочет быстро расти...

Рябая почему-то вела себя по меньшей мере нагло. Окопавшись в соседних районах, она начала портить настроение миргородцам. Посудите сами: в Гребенковском, Зеньковском, Хорольском и других районах Полтавщины идет борьба за то, чтобы побольше дать свинины, а миргородцы продолжают отставать. Соседние районы опережают их, а они только тем и славятся, что порода названа миргородской...

В чем дело? Почему рябая так ведет себя? Михаил Филиппович и Федор Михайлович заволновались, начали спрашивать председателей колхозов:

— Почему свинья слабо растет?

Те, глядя в сторону, равнодушно отвечали:

— Видать, проглядели, кормами не запаслись. Ей, хавронье-то, кукурузу подавай. А мы... того... сплоховали.

— Ах, кукурузу! — И Федор Михайлович спросил Михаила Филипповича: — Ты почему не заботился насчет кукурузы? Почему приучил их на дядю надеяться?

— А ты? — в свою очередь, поинтересовался тот.

Миргородцы были уверены, что районные руководители поссорятся, но этого не произошло.

Они устремились в село Хомутец, где расположен крупный колхоз имени Шевченко. С невеселым лицом встретил их председатель Гавриил Петрович Скляр. Не успели районные руководители поздороваться с ним, как посыпались жалобы:

— Свинину требуете, а помочь не хотите. Колхоз наш малоземельный, соломы и на подстилку не хватает...

— Постой! — вскричал Федор Михайлович, глядя куда-то в сторону.— Где-то я видел излишки соломы. Михаил Филиппович! Где мы с тобой видели солому в степи?

— На полях колхоза имени Гоголя,— ответил Михаил Филиппович.

— Вот где собака зарыта! — горячо продолжал Федор Михайлович.— На полях одного колхоза солома гниет, а другой без нее задыхается.

— Безобразие!—воскликнул Михаил Филиппович. — Надо председателю колхоза выговор объявить! Меня смущает только то обстоятельство, что солома третий год в поле гниет. А мы вроде и не замечали...

Федор Михайлович нахмурился.

— Все равно надо всыпать. Руководители колхозов в первую очередь виноваты в подобных случаях!

— Верно, верно... — согласился Михаил Филиппович.

Можно было ожидать, что Михаил Филиппович скажет Федору Михайловичу:

«Так, брат, нельзя. Нужно с председателей спросить. Давай-ка соберем их, потолкуем о рябой хавронье».

Но и этого не случилось. Они в самом хорошем расположении духа возвращались в Миргород. Не останавливаясь, они промчались мимо домика с вывеской «Миргородский государственный племенной рассадник». Сколько раз работающие в этом рассаднике зоотехники заявляли, что рябая свинья голодает и потому нельзя повысить производство свинины в районе! Сколько раз зоотехники твердили, что пора председателям колхозов научиться сеять близ свинарников то, что можно скармливать свиньям! Сколько раз на совещаниях и в печати подчеркивалось: рябая не успевает обрасти салом потому, что ее гонят бог знает куда на пастбище, словно она не свинья, а скаковая лошадь.

Нет, не вняли районные руководители голосам специалистов, не призвали к порядку председателей колхозов. И только в последнее время обратили внимание на свинью...

...Мы вошли в кабинет первого секретаря райкома в то время, когда Федор Михайлович и Михаил Филиппович, наморщив лбы, решали сложнейшую задачу: какое принять на себя обязательство. Они хорошо понимали, что 40 центнеров мяса, в том числе 25 центнеров свинины на каждые 100 гектаров земельных угодий, вроде как маловато. Может быть, потому Федор Михайлович и сказал:

— Накинем еще по два центнера.

— У гребенковцев свыше пятидесяти,— напомнил Михаил Филиппович.— А ведь рябая скороспелая из нашего района вышла.

Федор Михайлович усмехнулся.

— Выше двадцати пяти центнеров свинины не станем забираться. Пойми, если мы повысим свои обязательства и не выполним их, Миргородщина опозорится.

Михаил Филиппович вскочил. Мы полагали, что он закричит:

«Беспринципный ты человек, Федор Михайлович! Разве можно так рассуждать?»

Но Михаил Филиппович сказал, не скрывая радости:

— Правильно!

Так и на этот раз они не поссорились, хотя свинья поважней «гусака».

Федор КРАВЧЕНКО

г. Миргород

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Здесь у нас посеян лен.
— Что ты говоришь! А у нас это называют чертополохом...

Пестрая летопись

Новелла о наказах и отказах

В очередную субботу Крокодил, приветливо поздоровавшись с зашедшими на огонек активистами, деловито сказал:

— Не будем терять времени. Слово просит приезжий товарищ из города Кировграда Свердловской области. Но он хочет соблюсти инкогнито.

Тут поднялся мужчина средних лет и застенчиво сказал:

— Ну, допустим, моя фамилия — Иванов. Разве от этого что-нибудь изме...

— Хорошо, хорошо! — согласился Крокодил. — Никто не возражает. Вы, кажется, хотели рассказать что-то очень смешное?

— Лопнете от смеха, — печально подтвердил гость. — Рассказ мой будет называться «О неунывающих кировградцах, их наказах и горисполкомовских отказах».

Он сел и начал рассказ:

— Как принято повсюду, в период избирательной кампании жители нашего города давали наказы избираемым депутатам. И вот совсем недавно горисполком во главе с председателем Алексеем Николаевичем Нестеровым занялся благородным делом: стал разбираться в этих наказах и соображать, что к чему, а что ни к чему. Это была не совсем приятная работа, ибо списки успели порядком запылиться, и Алексей Николаевич не один раз чихнул во время своего занятия...

...Прежде всего было записано такое решение: «...344 наказа отклонить...».

— Надо полагать, — сказал Крокодил, — что исполком горсовета строго мотивировал отказы по такому множеству наказов?

— Обязательно! — подтвердил кировградец. — Вот пример. Просили женщины организовать в городской бельевой полоскалке подогрев воды. Им отказали по веской причине: нет подходящего бака. Вот еще. Не один раз просили депутатов добиться улучшения выпечки хлеба, упорядочить работу городской бани. Ясное дело, работникам исполкома эти просьбы надоели. Но ведь они не ответили: мол, ешьте, что дают, или, дескать, мойтесь дома. Они вежливо записали: «Отклонить наказы как повторяющиеся». Другой пример. В центре Кировграда стоят три мощных завода. Наряду с основной продукцией они вырабатывают и огромное количество газов. Мы дышим этими газами много лет. Тем не менее пункт о борьбе с загазованностью воздуха...

— Тоже отклонили? — воскликнул Крокодил. — Но почему?

— Как неконкретный, — смиренно ответил гость. — А несколько других отклонили «как излишество». Старались разнообразить по мере сил... Да, чуть не забыл! Большое внимание горисполком уделил культурно-воспитательной работе. Например, пункт с просьбой открыть красный уголок на втором участке поселка Торфяник получил конкретную резолюцию: «В этом нет необходимости», — а пожелание усилить воспитательную работу среди молодежи отклонено «ввиду неконкретности»...

Рассказчик умолк, а Крокодил посмотрел на него с недоумением:

— Вы кончили? Но где же рассказ о смешных вещах? Все, что вы говорили, очень и очень грустно.

— Разве? Ну, тогда приведу еще один фактик. Написали мы, что один из депутатов не отчитался перед избирателями. Исполком и эту жалобу умудрился отвергнуть, написав: «Отклонить. Это не наказ. А отчеты не были обязательными». Надеюсь, уж теперь вы лопнете от смеха? — робко спросил гость.

— Не лопнем, — решительно сказал хозяин. — Но все же мы вас благодарим за рассказ. Кстати, вы не сказали, благодарили ли граждане Кировграда товарища Нестерова и иже с ним за внимание и заботу?

Рассказчик мрачно молчал.

Салих БАТАЛ

Средняя цифра

В клубе районном собрался народ.
В клубе доклад актуальный идет.
Там на трибуну поднялся министр,
Смотрит он вниз
На развернутый лист.
Массу вопросов, поди, разрешит.
Но, к сожаленью, докладчик спешит.
Ездит министр из района в район,
И оперирует цифрами он:
Столько-то в среднем врачей-зубоведов,
Амбулаторий, зубных кабинетов.
Столько-то принято в среднем больных,
Столько примерно приходится их
В среднем на пломбу, на зуб золотой,
На нержавеющий и на простой.
Все подытожено, все сведено
К цифре спасительной —
Выкладке средней:
— Зуболечение нами давно
Поднято...
— Знаем! Скажите конкретней!
— Мы выполняем намеченный план,
Боли зубной раскусили природу...
Зал оглядел... Наливает стакан,
Пьет наш докладчик холодную воду.
Вдруг исказилось лицо у министра,
Ставит на место посудину быстро,
Света не взвидел от боли зубной:
Зуб у министра заныл коренной.
Вырвать его он давно собирался,
Да вот с делами совсем замотался:
Вел заседанья, приказы писал,
Средние данные всё утрясал.
Сущность за ними порой незаметна,
Боль же зубная довольно конкретна.
Либо ее поскорей утоляй,
Либо немедленно зуб удаляй.
Рта наш докладчик разинуть не смеет,
Да и язык уж от боли немеет,
Даже не помнит, кому сгоряча
Подал записку: «Зубного врача!»
Что же докладчик услышал в ответ!
— Рады помочь, да вот доктора нет.
К нам не попал он, на край на передний,
Где-то остался за цифрою средней.
Доктора нет в нашей местности, но...
Есть радикальное средство одно:
Чтоб не терпеть вам мучения злого,
Вы разложите-ка боль по зубам,
Что есть в районе.
И, честное слово,
Очень немного достанется вам.

Перевод с татарского
А. МЕЛУЗНИКОВА.

г. Казань.

НЕПОДХОДЯЩЕЕ СОСЕДСТВО

— Перенесем гнездо в другое место, чтоб наши дети не слышали, как он с подчиненными разговаривает.

Рисунок К. РОТОВА.

Универмаг «Грош цена»

Наступило лето, а с ним отпускной и каникулярный туристский сезон. Многие люди отправляются путешествовать. Занятие это хорошее, хотя одних будут привлекать рассвет на берегу озера или моря, костер и рыбачья лодка, а других — спальный вагон прямого сообщения и вагон-ресторан. Каждому свое. Говорят: «Кто любит апельсин, а кто — свиной хрящик».

Путешественнику (за исключением, конечно, «спальновагонных») вполне могут встретиться болотистые места. Но если наивный турист обут в кирзовые сапоги с маркой «Г. Киров. Искож», то пусть он не рассчитывает выйти сухим из болотной воды. Доказательства? Пожалуйста! Линейный рабочий связи из Мурманской области Н. Клещев — один из пострадавших. Купленные им сапоги приказали долго жить через... 17 дней: задники скривились и порвались. Вот и приходится прерывать путешествие на самом интересном месте и топать домой босиком!

Не лучше положение может быть и у тех туристов, которым болота не попадутся на пути. Гражданин А. Куртвили из Новороссийска купил ботинки, предназначенные для хождения не по водам, а по суше. Но жизнь этого изделия Курской обувной фабрики оказалась очень короткой. Ровно через шесть часов ботинки широко распахнули «пасть»: верх отделился от подошвы, оскалившей свои зубы — гвозди.

Конечно, любой уважающий себя турист встает, просыпаясь по солнцу, а чай пьет из котелка, закопченного огнем походного костра. Но не следует осуждать и любителей комфорта, которые берут с собой в дорогу будильник и термос. Достижения цивилизации не мешают любоваться красотами природы.

Наш читатель С. Шульга купил в гор. Балтийске термос и будильник и... наплакался с ними. Ни в дорогу, ни на охоту такой термос не возьмешь. Кто-то из конструкторов Киевского стекольно-термосного завода заменил металлический колпачок пластмассовым. При употреблении эти колпачки лопаются, а пробка рассыпается. У будильника Орловского часового завода с пометкой «ГОСТ 3 145-512 к» своя «фантазия». Он, по-видимому, изготовлен при помощи топора, ибо никакими силами его не заставишь показывать верное время. Рычажок «ускорить ход» скорей согнется и сломается, чем передвинется хотя бы на волос. Своенравный этот будильник звонит не тогда, когда нужно, а когда заблагорассудится, или же молчит, как рыба.

В универмаге «Грош цена» уже была выставлена кисточка для бритья производства Богородской щетинно-щеточной фабрики. Каемся в оплошности: мы посоветовали тогда в крайнем случае во время бритья пользоваться обычной зубной щеткой. Некоторые читатели последовали моему совету и... попали в беду. Зубные щетки, выпускаемые таинственной фабрикой, скрывшейся под псевдонимом «ЩБФ 1 с», так же линяют. «От этого, — как пишет нам Э. Доронина из гор. Вычегодска, Архангельской области,— еще бо́льшая неприятность: щетина лезет, когда начинаешь чистить зубы».

Туристы! Приобретая кисточки для бритья и зубные щетки Богородской фабрики, осмотрите их повнимательней! Это поможет вам наслаждаться природой, не отплевываясь во время утреннего туалета.

Известно, что турист любит фотографировать. Но горе ему, если по возвращении из вояжа путешественник захочет увеличить фото и воспользуется увеличителем «Фотак» Одесского механического завода облместпрома. Работник Золотухинского райздрава Курской области А. Астахов купил этот злополучный увеличитель и на следующий же день горестно держал в руках сломанный кронштейн, сделанный из хрупкого, непаяющегося металла. А. Астахов взял приложенный к покупке гарантийный талон и вместе с ним послал в Одессу бракованную деталь, надеясь получить новую. Но не тут-то было: за это время завод успел перейти в другое ведомство и от посылки отказался!

Дорогие товарищи туристы! Не отчаивайтесь! Ведь и сапоги, и будильники, и термосы, и зубные щетки нужны не только вам, а и вашим родным, не плавающим и не путешествующим. К тому же не может быть такого рокового совпадения, чтобы все ваше походное снаряжение оказалось негодным. Желаем вам приобрести вполне доброкачественные вещи. После этого отдыхайте на здоровье! Счастливого пути!

В. АРДОВ

Поздравил...

По кварталу новых домов шли солидные супруги неторопливой походкой людей, совершающих воскресную прогулку. Возле одного дома муж остановился и, задрав голову кверху, произнес:

— Кажется, здесь.

— Что здесь? — переспросила жена.

— Ну, здесь теперь проживает мой работник, некто Кобозев. Он получил новую квартиру...

— А ты при чем?

— Здравствуйте! Я же директор. Мне надо зайти к Кобозеву на новоселье, проявить, так сказать, чуткость и поздравить его.

— Кого «его»?

— Его, Кобозева. Кажется, он уже давно у нас в механическом цехе работает. Я зайду на десять минут, а ты посидишь вот здесь, в новом скверике, тебе даже лучше будет... Садись вон на ту скамейку, а я это все мигом... Раз-два — и чуткость проявлена!

После коротких реплик с обеих сторон супруги разошлись: жена действительно присела на скамью в сквере, а муж вошел в ущелье между новыми корпусами...

Через три минуты поздравитель оказался в подъезде и, не торопясь, с уместной при его комплекции одышкой, стал подниматься по лестнице.

— Семнадцатый номер... Восемнадцатый,— вслух читал он,— девятнадцатый и двадцатый... Значит, на следующем этаже...

Но тут внимание поздравителя было привлечено хором голосов, глухими ударами и скрипом, какие всегда сопровождают переноску тяжелых предметов.

— Осторожней, товарищи,— умоляюще говорил женский голос,— шкаф-то ведь полированный...

Натужный бас отзывался с паузами, свидетельствовавшими о том, что владелец баса совершает в данный момент нелегкие физические действия:

— Никуда она не дене... не денется эта... ваша полиро... полировка... А ну, левей давай, левей!.. Во-во-во!..

— О стенку-то хоть не трите его, шкаф-то! — снова умолял женский голос.— Не трите ради бога!..

А бас откликался:

— Никто и не... тово... не трет его... А ну-ка, заноси сейчас, заноси, заноси, не спи!..

— Куда ж я его занесу? — взволнованно пищал чей-то фальцет.— Он меня самого занес... Ой, сейчас впечатает меня в стен... Ой, осторожней!..

— Небось, не впечатает!.. Выше! Выше! Выше поднимай! Я кому говорю?!

Бас, видимо, начинал уже сердиться.

Тем временем поздравитель поднялся еще на этаж, и глазам его открылась такая картина: под бодрые выкрики «Неси!», «Бери!», «Куда ж его брать?!», «Осторожней», «Ой-ой!» и т. д. несколько человек переносили большой трехстворчатый гардероб.

— Товарищи, как бы мне тут пройти в квартиру двадцать вторую? — спросил поздравитель.

— Ну, мы из двадцать второй квартиры,— отозвалась хозяйка шкафа,— вам что, собственно, нужно?

Поздравитель срочно переменил угрюмо-важное выражение лица на доброжелательную улыбку и воскликнул:

— Нет, серьезно? Ну, я очень рад! Значит, вы только въезжаете сюда?

— Как видите. А что?

— А мне почему-то сказали, будто вы уже вторую неделю здесь... Во всяком случае, я очень рад.

— Чему вы рады?

— Я рад тому, что... А где ваш муж?

— Вот он я,— произнес, выступая вперед, человек в кепке.

— Очень приятно. Пришел поздравить с новосельем.

— Спаси... — начал было хозяин, но тут снова возопил парнишка, изнемогший под тяжестью шкафа:

— Ой! Братцы, легче, легче все-таки! Задавило меня!

— На попа его надо было, я вам что говорила?!

— Где ж тут на попа?! Наклоняйся, наклоняйся скорей, не то тебя в самом деле припечатает!..

— Я говорю, я рад, что вы въезжаете наконец в квартиру... я, видите ли, директор и...

— Эй ты! Который директор... Я тебе говорю! Чем зря рассуждать, берись с той стороны, видишь ведь, парень сейчас рухнет! Ну!

Поздравитель от неожиданности раскрыл было рот, но быстро закрыл его и не совсем уверенно сообщил:

— Что ж... я буду очень рад помочь вам хотя бы в том...

— Потом будешь речи произносить! Берись за шкаф! Ну?!

— Сейчас, сейчас... какой-то он у вас склизкий...

Солидный поздравитель поспешно ухватился за угол шкафа. И возня с переноской возобновилась снова, опять послышалось:

— Ну, куда ты?! Куда ты его опускаешь?! Это я тебе говорю, который директор. Взялся подсоблять, так уж неси как следует! На себя бери! Вот так! Теперь от себя! На него теперь!

— Ой!..

— Я же говорила: на попа его надо! Исключительно на попа!

— Уйди ты, тетка, со своим «на попа»! Без тебя как-нибудь... Что это трещит?..

— Так и знала, что погубите вещь!.. Замочки уже отлетели!..

— Какие еще замочки?.. Ручки, наверное!.. Так мы их приделаем потом...

— Ай-ай! Вы мне рвете! — вдруг завопил директор.

— Чего мы тебе рвем?..

— Ай! Трещит!.. Пальто трещит!..

— Ну, сейчас нам всем не до пальто! Бери на себя!.. Слышишь?!

— Осторожней же! Что вы делаете?!

— Нет, что ты делаешь?! Ты будешь его нести или нет?!

— Не буду больше! Вот что, товарищ Кобозев, считайте, что я вас тут на лестнице уже поздравил...

— Кого, кого поздравил? — с интересом спросила хозяйка шкафа.

— Вашего мужа, товарища Кобозева Михаила Петровича...

— Ха-ха-ха! Вы слышите, товарищи?! Во-первых, муж у меня не Кобозев, а Сидоренко! Вот он, мой муж...

— Как так Сидоренко?.. Позвольте, это двадцать вторая квартира?

— Ну, двадцать вторая.

— Значит, должен быть Кобозев? Позвольте, как же так?.. Я к вам пришел как директор... с целью поздравить, а вы мне говорите, что вы не Кобозевы...

— Видали вы его? Он хочет нас уговорить, что мы Кобозевы! Сам ты Кобозев! Ну, беритесь, ребята, уже немного осталось... Раз-два, взяли! Раз-два, разом!..

— Полировку, полировку пощадите, ироды!

— Что за черт! — бормотал поздравитель. — Записано у меня точно: шестой корпус, квартира 22...

— А это седьмой корпус. Ясно?.. Левее, братцы, левее несите...

Шкаф, покачиваясь, уплывал все выше и выше.

Директор безмолвно стоял, рассматривая длиннющий разрыв на пальто. Стоял до тех пор, пока углом шкафа его не наподдало в спину. Тогда он качнулся, схватился обеими руками за перила и хриплым голосом заявил:

— Тогда я пошел, знаете ли... Счастливого новоселья... За что же я себе пальто у вас разорвал, а?

— А не имей привычки не знать своих кадров! — отозвался распорядительный бас. — Сперва познакомься, разузнай, кто Кобозев, а кто не Кобозев! Вот так. Легче, ты! Снизу берись! Снизу! А теперь сверху!..

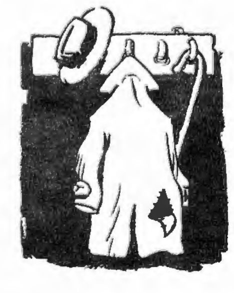
Директор уныло поплелся по лестнице вниз. Через три минуты он робкой иноходью подходил к своей супруге, все еще сидевшей на скамье в сквере.

Жена спросила:

— Что это ты так скоро? Поздравил? А-а-а-а!.. Кто ж это тебе, пальто погубил?!

— Никто. Оно само собою. При этом... при поздравлении. В общем, пошли домой!

Иллюстрации Е. ГОРОХОВА.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— Витенька табель принес из школы!
— Нет, счет из ресторана...

Книжная полка Крокодила

Сочинитель бедный, это ты ли?..

Итак, вы счастливый обладатель однотомника стихов Сергея Есенина. Дома, даже не сняв пальто и калош, вы начинаете нетерпеливо листать страницы, отыскивая полюбившиеся с юных лет строки и мысленно благодаря Хабаровское издательство, выпустившее эту книгу.

И вдруг... что это? «Сочинитель бедный, это ты ли?..» — бормочете вы слова автора. Радостное волнение сменяется недоумением, затем возмущением. Но не будем голословными.

Стр. 363. Чистый лист без единого пятнышка! Вы слегка озадачены: может быть, здесь тайнопись, изобретенная светлым гением технического редактора М. Д. Кайдаловой? Наконец вас осеняет мысль заглянуть в оглавление. Против номера загадочной страницы вы читаете успокаивающую надпись: «Глупое сердце, не бейся!»

Переворачиваете еще один лист. Стр. 365. Стихотворение «Море голосов воробьиных...» заканчивается таинственной фразой: «сам я не знаю, что будет». Страницы 366 и 367 ослепляют вас своей белизной: на них нет и тени «Голубой да веселой страны», как это обещано в оглавлении.

Стр. 359. Читаете в оглавлении: «Руки милой — пара лебедей...». По мнению тов. Кайдаловой, это слишком интимная тема для такого массового издания (100 тысяч экземпляров!), и из чисто нравственных побуждений она опускает это стихотворение, сохранив чистоту книжного листа.

Особенно не повезло персидским стихам Есенина: два стихотворения, «Отчего луна так светит тускло» (стр. 361) и «Голубая родина Фирдуси» (стр. 353), напечатаны лишь частично, а из стихотворения «В Хороссане есть такие двери» (стр. 355) сочли возможным опубликовать лишь последние строки:

> До свиданья, пери, до свиданья.
> Пусть не смог я двери отпереть... —

полагая, вероятно, что именно в этих печальных словах кроется основная мысль автора. Если же придирчивый читатель, не смотря ни на что, все же пожелает воссоздать опущенную часть, то для этого любезно оставлена чистая страница.

У читателей о работе Хабаровского книжного издательства сложилось совершенно определенное мнение. А вот как бы, по-вашему, реагировал на это сам поэт? Думается, что самым мягким из того, что он мог сказать своим издателям, было бы:

> Ты меня не любишь, не жалеешь...

Инженеры
Х. СОКОЛИН, М. ГРИНБЕРГ
гор. Фролово, Сталинградской области.

Бракоделы-отличники

Шестеро деятелей Сызранского отделения Куйбышевской дороги—начальник паровозного депо Огольцов, секретарь партбюро Дьяконов, председатель месткома Волков, начальник локомотивного отдела Губа, ревизор по безопасности движения Тихий и председатель райпрофсожа Ступенин — коллективно сочинили и издали труд, который, бесспорно, найдет самое живое одобрение любителей юмора. Для образца продемонстрируем лишь несколько абзацев из фолианта, носящего название «Список машинистов, кандидатов на получение министерской премии за работу в 1956 году»:

«1. Бурхетьев Виктор Иванович. Работает добросовестно. Имел брак в работе — столкновение с паровозом. Имеет выговор. Достоин получения министерской премии...

3. Погорелов Григорий Васильевич. Будучи машинистом-инструктором, явился на инструктаж бригад в нетрезвом виде, за что снят с занимаемой должности с понижением в машинисты. Достоин получения премии...

4. Полтев Иван Михайлович. За исключением случая наезда на подвижной состав, других браков не имел. Имел строгий выговор. Достоин премии...

8. Соболев Николай Степанович. Имел брак — расплавление паровозной буксы. Понижен в слесари. Достоин министерской премии...».

В списке десять бракоделов, «достойных премий». Прочие машинисты, по-видимому, такого поощрения не заслуживают.

Непонятно, чем же премируют особо отличившихся бракоделов на Сызранском отделении дороги — почетной грамотой разгильдяя или значком «Отличнику-бракоделу»?

И какой награды достойны составители коллективной филькиной грамоты?

В ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ ПО НОЧАМ

Товарищ Балыков перевернулся со спины на бок, потом с бока на живот и наконец вскочил с постели.

— Что за чертовщина! Кто это там тарабанит среди ночи?

Поселок Эргли мирно спал, но странный стук раздавался в тиши, заставляя людей ворочаться с боку на бок.

Балыков закрыл глаза и попытался досмотреть так неделикатно прерванный сон. Однако стук не прекращался.

Балыков посмотрел на часы. Стрелки показывали двенадцать. Сквозь раскрытое окно гостиницы ясно слышалось, что стучали на площадке, где строилось административное здание.

— Этого еще не хватало! — проворчал Балыков, наспех натягивая брюки.

Спустя несколько минут он уже бежал по темным улицам, спотыкаясь о камни и стукаясь об углы домов.

Наконец вот она, стройплощадка. Балыков, задыхаясь, пробежал проходную.

— Что? Кто? По какому праву?!.

На фоне звездного неба в белом свете луны ясно вырисовывалась чья-то фигура на лесах. Неизвестный как ни в чем не бывало долбил молотком по стене нового, еще не достроенного здания. От каждого удара вниз сваливался солидный кусок штукатурки.

— Что вы делаете? — вне себя закричал Балыков.

— Как что? Работаю! Штукатурку обиваю!

— Кто вам позволил ночью разрушать то, что днем построено?— закричал Балыков. — Это безобразие! Как начальник Рижского стройтреста, я требую немедленно объяснить!

— Зря расстраиваетесь, Василий Иванович! Вы бы лучше отошли: как бы вас штукатуркой не пришибло. Безобразия тут никакого нет. Самая обыкновенная производственная необходимость. Стены мы оштукатурили, а крышу не накрыли. Вот и посыпалась штукатурка, так сказать, под внешним воздействием неумолимой природы! Кое-где обсыпалась, кое-где осталась. Пришлось привести ее в первоначальное состояние, чтобы можно было помещение заново штукатурить.

— Производственная необходимость?! Ну, это — другое дело! А только почему же вы это ночью...

— С одной стороны, днем рабочих рук не хватает. А с другой... ночью ломать вроде как бы сподручнее.

Балыков понимающе кивнул головой.

— Это понятно. Однако некрасиво получается: сами строите и сами разрушаете!

— Нет, мы не все разрушаем! Кое-что само рушится. Вон в жилом доме через дорогу спустя три месяца после сдачи в эксплуатацию штукатурка сама вся опала. Еще в доме по соседству печи имелись, так мы — вот честное слово! — их пальцем не трогали, они сами по себе рухнули. На строительстве Дома культуры — там действительно пришлось поработать. Стены вывели честь честью, а стали оконные рамы в проемы вставлять — не лезут, проклятые! То ли проемы не по рамам сделали, то ли рамы не по проемам...

— Значит, вы и там стены ломали? — испугался Балыков.

— Нет, зачем же! Мы только проемы в них допрорубили. А вот в школе опоры кривые получились, так там...

Но Балыков больше не слушал. Остальное его не интересовало. Раз ночная работа была вызвана «производственной необходимостью», ему не к чему было придраться. Он отправился досматривать приятный сон...

Пусть не подумает читатель, что ночное происшествие было для начальника Рижского стройтреста в новинку. Из бумаг он об этом давно уже знал. За прошлый год расходы по переделкам и исправлениям составили в Эргли около полумиллиона рублей. Здания, вступившие в строй сегодня, назавтра уже просили ремонта. Строители в порядке рационализации предложили даже не снимать со зданий лесов, а сразу же, как только здание сдано, приступать к ремонтным работам.

Но когда штукатурка посыпалась на голову Балыкову не в переносном, а в прямом смысле, он понял, что надо принимать меры.

— Давайте разберемся без паники,— сказал он утром эрглиским строителям. — Вы говорите, что качество работ плохое потому, что не хватает рабочих? Прекрасно! Возьмите еще.

— Рабочих?

— Нет! Возьмите еще работу. Наберите побольше заказов, получите авансы и этими деньгами покройте расходы по переделкам, исправлениям и ликвидации брака. Понятно?

— Понятно! — обрадовались строители и набрали заказов на 10 миллионов рублей, имея возможность выполнить их всего на 75 тысяч.

Товарищ Балыков спокойно отбыл в Ригу. Там ничто не беспокоит его сон. Но спят ли эргликие жители? Что за странные звуки раздаются здесь в двенадцать часов по ночам? Неужто опять ломают то, что днем построили?

Ю. БОРИН, П. КАЛИТА

Поселок Эргли.
Латвийская ССР.

Кайсын КУЛИЕВ

Дорожная песенка

(Из цикла «На Иссык-Куле»)

Едешь к милой
На свиданье,
Так явись
Без опозданья.

Если сядешь
На верблюда,
Скажем прямо:
Дело худо!

Сердце мчится,
Как ракета,
А ему
Плевать на это.

Еле-еле
Тащит ноги,
Хоть слезай,
Проси подмоги.

Опоздаешь
На свиданье —
Не помогут
Оправданья!

То ли дело —
На машине!
Скажут: легок
На помине...

Сёла — мимо,
Скалы — мимо.
А она
Неутомима.

До любимой —
Час пути.
В год верблюду
Не дойти.

Нет!
Машина —
Это чудо!
Я не сяду
На верблюда.

Перевод с балкарского
Е. ЕЛИСЕЕВА.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

За последние годы некоторые композиторы стали забывать традиции русской песни. Подчас они просто подражают плохой джазовой музыке.

— ...Итак, в моей обработке — русская народная песня!

Мкртич КОРЮН

Иллюстрации Ю. ФЕДОРОВА.

ТРИ ШУТКИ

ЧУЖОЙ УСПЕХ

—Скажи мне, что с тобой! Ты мрачен, словно ночь.
Едва-едва сквозь зубы цедишь слово...
Ты весел должен быть! Жена здорова,
И сам ты жив-здоров, и замуж выдал дочь!
Ты чем-то огорчен! Кто этому виной!
Что мучает тебя! Работа! Сердце! Совесть!..
— Ты хочешь правду знать, приятель, что со мной!
Товарищ написал отличнейшую повесть!

МАТЬ И СЫН

За тридевять земель, моря и океаны
Поехал Сын смотреть чужие страны.
Он на чужбине пробыл много лет,
Исколесил почти весь белый свет
И в путешествии порядком утомился.
Вот час настал — домой он воротился.

Соседи в тот же день зашли проведать Мать;
— Ну, как твой сын! Наверно, не узнать!
— О, нет! — вздохнув, сказала Мать в ответ.—
Он только заменил фуражку на берет!

ТЫ И ТОРИЧЕЛЛИ

Ты ничего вовек не написал,
И ничего не создал ты покуда,
Но доктором наук ты все же как-то стал.
Как говорится: совершилось чудо!
Великий Торичелли опыт свой
Осуществить бы мог с твоею головой!

Перевел с армянского
Сергей МИХАЛКОВ.

ЦЫПЛЕНОК

Пробивши скорлупу, явился в мир цыпленок.
Беспомощен и мал, и голосок так тонок...
И дня не прожил на своем веку,
Но все ж решил: «Спою ку-ка-ре-ку!
Вот только б на шесток взобраться,
Уж то-то куры станут удивляться!»
Но как малютка ни старался,
Как он ни бился, ни пыхтел,
Все ж на земле лежать остался,
А кверху так и не взлетел.

И курица, увидя то, сказала:
— Не петушись, сынок, а подрасти сначала,
Окрепни да смени на перья пух,—
Ведь ты пока лишь будущий петух!

Перевел с армянского В. ЛЕВШИН.

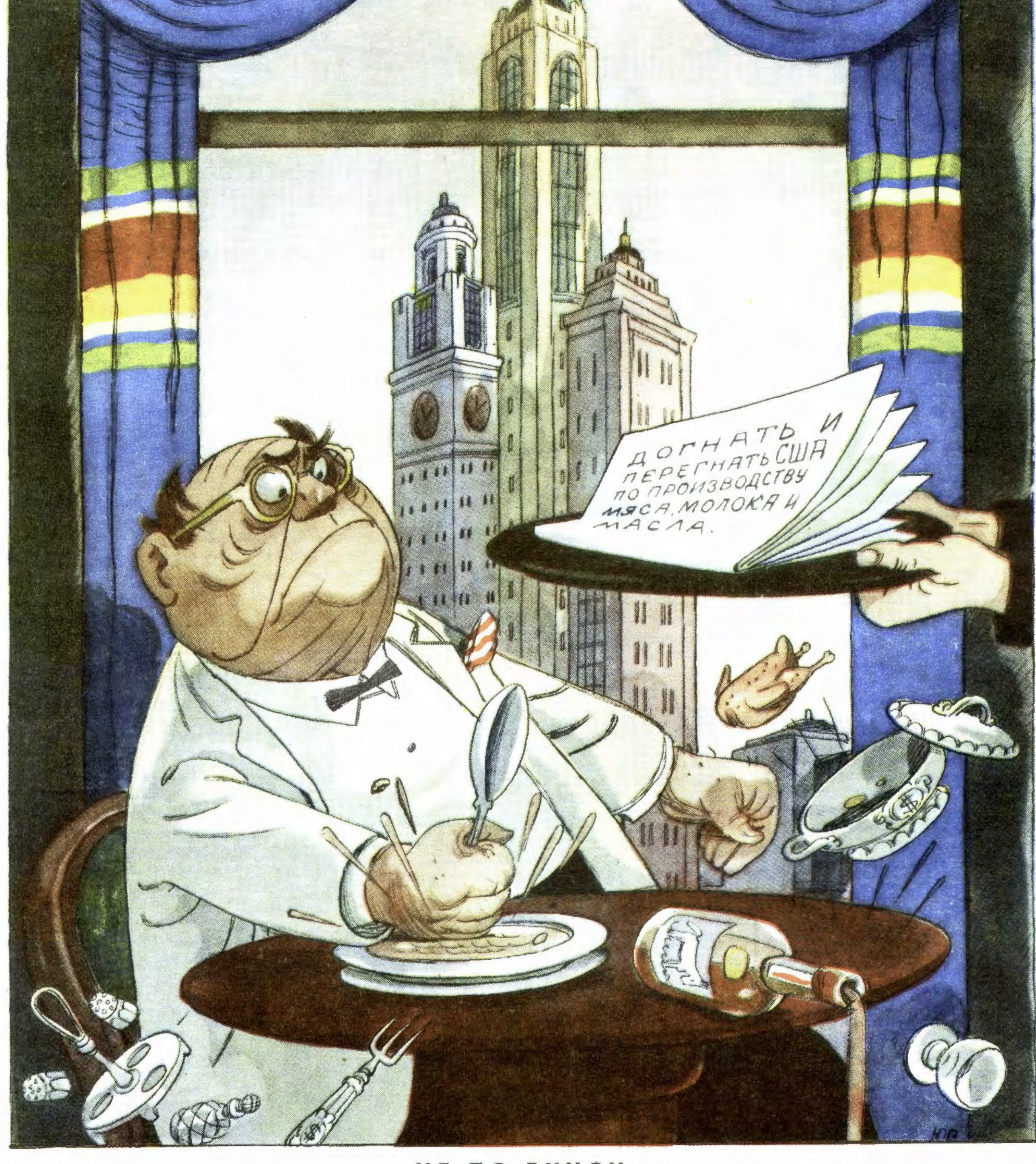
КОРШУН И ЛЕБЕДЬ

Взобрался как-то Коршун на утес
И, взглядом чуть скользнув по птицам,
Высокомерно произнес:
— Кто красотой со мной сравнится!..
Дрожа от страха, птицы отвечали:
— Красивее тебя найдешь едва ли!
Но Лебедь тут, вмешавшись в дело,
Сказал, вперед шагнувши смело:
— Красив не ты, о Коршун, а утес,
Который так тебя вознес.

Перевел с армянского
Ашот САГРАТЯН.

Рисунок Ю. ГАНФА.

ЗАВТРАК БИЗНЕСМЕНА

НЕ ПО ВКУСУ.

ПРОТИВ ПЕРЕЖИТКОВ

Патриотическое выступление жителей Тайваня против американских колонизаторов заставило поскрести в затылке даже такого отъявленного проповедника политики «с позиции силы», как военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин. Почесав в означенном затылке, Болдуин высказался в том смысле, что, дескать, цели пребывания американских захватчиков на китайском острове (а кому эти цели не известны!), «по-видимому, являются просто пережитком прошлого».

В данном вопросе мы поддерживаем Болдуина. «Крокодил» выступает против пережитков прошлого.

СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Преподобный Роберт Фей, пастор епископальной церкви в городе Колумбус (штат Огайо, США), недавно выступил с проповедью, озаглавленной «Любовь и божья кара».

Проповедник краем уха слышал, что идеи социализма все шире захватывают народные массы. И пастор решил отыскать короткий и радикальный путь к разрешению всех социальных проблем. Он сообщил пастве: «Война сглаживает социальное неравенство».

К чему, дескать, бороться против социальной несправедливости, если все люди равны перед водородной бомбой!

А вот как пастор заканчивает свою проповедь:

«Несмотря на все ужасы войны, она приносит людям то, что евангелие пыталось достигнуть убеждением. Война превращает самых закоснелых людей в христиан».

И достигается это не при помощи каких-то кустарных костров инквизиции, а мировым пожаром с водородными взрывами и атомно-ракетными эффектами «ad majorem dei gloriam» — к вящей славе божьей,—как говорили некогда отцы-инквизиторы, предшественники пастора Фея.

Двойная бухгалтерия

— Где мой любезный дядюшка? Я хочу с ним объясниться! — воскликнул молодой джентльмен с траурной розеткой в петличке, обводя присутствующих туманным взором.

— Тише, голубчик, ты же находишься на его поминках! И не пей больше.

— Я не пьян! Это свинство с его стороны! Всякий раз, как только дело доходит до разговора о наследстве, мой милейший родственник под благовидным предлогом исчезает! Желательно спросить его: почему он не дотянул нескольких дней до пятилетнего срока?.. Я должен знать... Я...

Чтобы постичь весь трагизм положения несчастного племянника, надо обратиться к английской газете «Рейнольдс ньюс». «Жестокое и бесчеловечное преследование» — вот тяжкий удел некоторых обитателей Британских островов, о котором иронически повествует газета.

Кто же они? Конечно, не те, которые, по словам «Манчестер гардиан», «живут на хлебе, маргарине, чае и картофеле». Нет, эти «жертвы» принадлежат к числу тех обладателей сейфов, которые, отходя в лучший мир, оставляют близким свои немалые капиталы. Если, написав завещание, такой состоятельный родственник отправится на тот свет раньше чем через пять лет, то на его наследство распространяется закон о налоге — часть наследства переходит в пользу государства.

Некоторые светила британской медицины сообщают, что такой порядок волнует богачей, кряхтящих под бременем непомерных доходов, и пагубно действует на их драгоценное здоровье. Например, видный английский врач лорд Уэбб-Джонсон заявил, что боязнь не дожить до конца пятилетнего срока довела нескольких его пациентов до «весьма опасного состояния».

При этом перед Уэбб-Джонсоном, как живые, встают образы трех герцогов — девонширского, бедфордского и сомерсетского. Титулованные господа, как выразилась «Рейнольдс ньюс», по «какой-то оплошности» испустили дух раньше истечения пяти лет, и их наследство попало под обложение налогами. Продолжатели трех знатных родов едва ли остались довольны поведением своих именитых предков, ибо, не без ехидства отмечает газета, «умереть за родину приятно, но какая пытка нести расходы в ее пользу!»

Однако владельцы раздутых кошельков в основном стойко противостоят ударам коварной судьбы. В этой неравной борьбе их вдохновляет помощь некоторых юристов, смекнувших, что уклонение от налогов можно сделать «одной из наиболее процветающих сфер бизнеса». Пронырливые стражи законности, по словам той же «Рейнольдс ньюс», «учат богачей, как обманывать министерство финансов».

Чтобы читатель не подумал, будто казна остается в накладе, газета разъясняет, что недобор денег с богатых «компенсируется косвенными налогами на малоимущие классы».

Можно было бы и не прибегать к подобному разъяснению: рядовой англичанин чувствует на себе действие этой «компенсации» ежедневно и ежечасно.

Вот так и живут в Англии: одни обманывают государство во имя своих наследников, а других само государство обирает во имя водородной бомбы.

Д. ЛЮБИМОВ

Дьёрдь ФЁЛЬДЕШ
Ответственный редактор венгерского сатирического журнала «Лудаш Мати».

Несколько изюминок

Больше четырех недель я провел с делегацией венгерских журналистов в Советском Союзе. Знакомясь с мыслями и настроениями людей, наблюдая за их жизнью, я смотрел глазами будапештца, слушал ушами юмориста.

Для того, чтобы рассказать о том, что я видел и слышал, не хватит страниц «Крокодила», но все это я увезу в своем сердце домой. Здесь я хочу поделиться только, как говорят у нас, несколькими изюминками впечатлений.

Хороший рецепт

Годами мне снилось, что когда-нибудь и я попаду в Москву. Ездит же туда столько разных делегаций! Наверное, даже сборная команда венгерских трубочистов побывала в советской столице для небольшого обмена опытом!.. Короче говоря, я до тех пор грезил и видел сны, пока наконец действительно не «вгрезил» себя в делегацию журналистов. Это, между прочим, доказывает, как прав был наш великий поэт Шандор Петёфи, когда в стихотворении «Предсказание» писал: «Мама, сны не лгут...»

Дело, следовательно, обстоит очень просто. Надо до тех пор видеть сны, пока они не превратятся в действительность. Рецепт надежный. Предлагаю его каждому. Кстати, он действителен также в случае обратного маршрута: из Москвы в Будапешт.

Маленький дипломат

Наш самолет совершил краткую, получасовую остановку во Львове. В садике перед аэродромом играли десятки детей. Живые, веселые девочки и мальчики лет по восьми—десяти резвились вокруг нас, прыгали, озорничали, тузили друг друга. Дети быстро подружились с нами. Один синеглазый белокурый парнишка, очень любопытный, все хотел знать. Он шаловливо расспрашивал у нас то об одном, то о другом, как и свойственно всем веселым детям. Потом он посерьезнел и важно спросил:

— Вы граждане Венгерской Народной Республики?

Я не преувеличиваю. Он поставил вопрос буквально как маленький дипломат.

Под сводами храма

Да здравствует авиация! После полудня у меня под ногами еще был будапештский асфальт, а вечером я уже вступал в храм — гостиницу «Ленинградская». Прошу прощения у моих московских друзей за то, что употребляю слово «храм» в библейском смысле. Это чувство появилось у меня не без причины. Когда человек переступает порог гостиницы, уже в вестибюле его охватывает замешательство. Он не знает, что ему делать: молиться или идти в номер смывать дорожную пыль. Я остановился на последнем.

Храм храмом, но все-таки я неплохо чувствовал себя в московской «Ленинградской».

Тамара

Можете мне не верить, но я заговорил с Тамарой Кузьминой на Невском проспекте вовсе не потому, что она молода, очаровательна и является счастливой обладательницей вздернутого носика и мальчишеской прически «фру-фру». В конце концов, я не уличный ловелас! Я обратился к ней просто потому, что заметил у нее в руках «Лудаш Мати». Это, как вы понимаете, было для меня немалой радостью.

Сначала девушка недоверчиво поглядела на меня, но поняв, о чем идет речь, мило улыбнулась.

Она оказалась студенткой первого курса университета, будущим специалистом по Венгрии. Поэтому она и читает «Лудаш Мати». Тамара рассказала, как попала в университет; признаюсь, эта история меня развеселила.

Дружеский шарж И. СЕМЕНОВА.

Дьёрдь Фёльдеш

Чтобы попасть в университет, надо было сдать экзамены по пяти предметам и набрать не менее двадцати четырех очков. Тамара набрала лишь двадцать три очка; но, как видно, нет правил без исключений, даже если это касается вступительных экзаменов! Если человек—отличный спортсмен, ему достаточно и двадцати трех очков. У Тамары хоть и было всего двадцать три очка, зато она пробегала стометровку за 12,7 секунды. Ее приняли.

Пока она рассказывала об этом забавном происшествии, мне захотелось взять ее под руку. Но я раздумал... Ведь я уже не смогу пробежать стометровку за 12,7 секунды!

Чоканье

В Одессе я узнал, что такое «Инфлот» и почему мы чокались, когда поднимали наполненные стаканы, сидя за белоснежным столом.

«Инфлот» снабжает прибывающие в одесский порт иностранные суда продуктами, горючим и помогает им разрешать все необходимые дела. Сойдя на берег после долгого плавания, моряки нередко выпивают. Вот тогда-то «Инфлот» и поражает зарубежных гостей традиционным чоканьем. Я спросил у советских моряков: зачем надо чокаться? Ведь вино и без того хорошо проскользнет куда надо...

Один из работников «Инфлота» объяснил нам, в чем суть этой процедуры:

— Когда я поднимаю стакан, мои глаза **видят** вино; когда я пью, горло **чувствует** это; чтобы в удовольствии приняли участие и мои уши, чтобы я **слышал**, — для этого надо чокаться!

Иностранцы твердо усвоили, что чокаться в одесском порту — дело очень хорошее.

Товарищ Крокодил

В пути меня часто спрашивали: что это за журнал — «Лудаш Мати»?

— Такой же, как «Крокодил»,— отвечал я,— только у «Лудаш Мати» есть гусь, который клюет и щиплет, а «Крокодил» колет вилами. Ну, и кусает — на то он и крокодил! Значит, «Лудаш Мати» — венгерский «Крокодил».

Как видно, объяснял я хорошо, потому что в Таллине руководитель эстонского ВОКСа Ольга Лауристин после того, как нас представили, приветствовала меня так:

— Здравствуйте, товарищ Крокодил!

Так приветствовали меня и стюардесса авиалинии Киев—Одесса Светлана Нарикова, бывшая чемпионка Украины по гребле, и капитан теплохода «Победа», на котором мы плыли из Одессы в Ялту. На земле, в небесах и на море я потерял собственное имя. Всюду, куда я попадал, люди дружески трясли мне руки, называя меня «товарищ Крокодил».

Это было прежде всего проявлением большой любви к «Крокодилу», и я был бы очень горд, если б моего дорогого коллегу, главного редактора «Крокодила», когда он приедет к нам в Венгрию, повсюду называли «товарищ Лудаш Мати».

Между прочим

В редакции «Крокодила» я провел несколько очень приятных часов. Художник И. Семенов нарисовал мой портрет, который я считаю отличным,— вы видите здесь этот дружеский шарж. Я только протестую против лакировки действительности: товарищ Семенов идеализировал меня. Хотя, возможно, до сих пор я и не видел себя в профиль.

Для меня было большим событием лично познакомиться с советскими коллегами. Хотите верьте, хотите нет, но во время встречи мы даже рассказали друг другу пару анекдотов! Да притом хороших анекдотов! Может быть, когда-нибудь мы опубликуем их в «Лудаш Мати» и в «Крокодиле»...

И в заключение еще несколько слов. Мы благодарим за теплый, дружеский прием, оказанный нам повсюду — от Балтийского до Черного моря. На прощание я говорю самое прекрасное слово: до свидания! В этом слове заключено глубокое человеческое содержание, особенно для друзей.

До свидания в Будапеште, дорогие друзья!

Перевела с венгерского
Е. ТУМАРКИНА.

Варвара КАРБОВСКАЯ

ЖИЗНЬ КАК ОНА ЕСТЬ

Название обязывает. Если журнал называется «Лайф», что, как известно, в переводе означает «жизнь», то он и должен показывать жизнь, и притом во всех ее проявлениях.

А если одно из проявлений жизни в той стране, где выходит «Лайф»,— сегрегация негров?

— Что ж, сегрегация остается сегрегацией,— так, вероятно, сказал своим коллегам один из редакторов «Лайфа».— Кстати, почему бы нам на белых страницах нашего белого журнала не дать немножко чернокожих? Разумеется, процветающих чернокожих! По крайней мере, тогда уж никто не посмеет сказать, что американская печать обходит острый вопрос!..

Итак, с чего начать? А вот: надо взять негритянское семейство, которое живет совсем не богато, но и не совсем бедно. Лучше всего из самой гущи жизни. Например, в штате Алабама, в общине Шейди Гров, девяносто пять процентов жителей — негры. По крайней мере, есть из чего выбрать!..

И корреспондент «Лайфа» поехал на крайний юг Америки. И добрался до округа Чокто, утопающего в сосновых лесах.

Тут он и принялся за дело.

— Хэлло, мистер Вилли Кози, мне очень приятно с вами познакомиться,— сказал корреспондент энергичному добродушному негру и его жене Элли, нагрянув в их маленький домик.

Садик, огородик, электропила, грузовик — все это говорило о том, что негру Вилли Кози с его семейством живется не так уж плохо. Он фермер, но, чтобы подработать, он еще и лесоруб. Он рубит лес для мистера Майка Демпси, который делает бумажную массу. Преуспевающий делец Демпси доволен лесорубом. И, кажется, корреспондент «Лайфа» может написать, что лесоруб доволен жизнью. Не нужно только упоминать о том, что электропила и грузовик взяты в долг, а за дом и мебель надо расплачиваться всю жизнь...

Корреспондент беседует с женой фермера, миссис Элли Кози. Она учительница.

Корреспонденту хочется правды жизни?

Пожалуйста. Из всех тридцати трех негритянских школ округа только в двух есть столовые. У большинства ребят нет никаких учебников...

— Но самое главное — нет справедливости,—грустно сказала корреспонденту Элли Кози.— Справедливости в предоставлении работы, в оплате труда. Справедливости в жизни.

И вот все это: и домик, и электропила, и негр-лесоруб, и его жена-учительница, говорившая о справедливости, и шестеро их детей,— все было описано на страницах журнала «Лайф» в статье под заголовком: «Ограничения. Открытые и скрытые».

Вилли Кози не выписывал журнала «Лайф». О статье про самого себя он узнал при самых неожиданных обстоятельствах.

Однажды утром — как раз через четыре дня после выхода журнала со статьей — он обнаружил, что бак его двухтонного грузовика, на котором он возил бревна мистеру Демпси, почти пуст. Вилли послал сына на бензоколонку миссис Рози Макферсон за горючим. Сын вернулся без горючего и без грузовика. На бензоколонке ему отказали в бензине, а мистер Демпси распорядился, чтоб у негра отобрали машину.

Может быть, это шутка? Ведь всякий шутит, как умеет... Вилли Кози поспешил на бензоколонку. Между ним и служащим Питом Макилуэйном состоялся такой диалог:

— Вилли, я получил распоряжение не продавать вам больше бензина,— заявил Макилуэйн.

— Сэр?

— Я получил приказ не продавать вам больше бензина и ничего другого.

— Мистер Пит, я покупаю здесь бензин уже пятнадцать лет. Что я должен теперь делать?

— Вы видели журнал «Лайф»?

— Нет, сэр.

— Тогда лучше вам посмотреть журнал «Лайф», и вы поймете, почему я не могу продать вам бензин.

Спешим оговориться: подробности событий, развернувшихся после опубликования «Лайфом» первой статьи (в том числе и приведенный диалог), мы воспроизводим из другой, более поздней статьи того же журнала под названием «Результаты сегрегации». Она вполне могла бы идти под рубрикой «По следам наших выступлений».

Оказалось, что миссис Макферсон была под впечатлением только что прочитанной статьи... Ах, чернокожие жаловались, что их ограничивают в правах? Посмотрим, как они теперь запоют! Им не нравятся их школы? Пусть сперва переменят цвет кожи! Ни один из внуков Макферсон не пойдет в школу вместе с негром! И вообще их следовало бы всех отправить обратно в Африку! Пока миссис Макферсон жива, ни одна капля ее бензина не просочится в бак негритянской машины!

— Пока я жив, Вилли не будет владеть грузовиком! — поддержал ее мистер Демпси.— Вилли, ты мне остался должен, и я забираю у тебя машину. Тебе теперь все равно не расплатиться, потому что никто не будет давать тебе работы после этой статьи в «Лайфе».

— А мне он должен за пилу,— заявил Джон Макферсон, сын миссис Макферсон.

А за лес для пристройки к дому? А за ремонт грузовика? А почему бы не выгнать из школы учительницу Элли Кози? Ту самую, что осмелилась говорить о справедливости для негров?

И даже мистер Дж. Аллен, который уже более тридцати лет является председателем совета по вопросам просвещения в округе, даже этот просвещенный мистер Аллен заявил корреспонденту «Лайфа»:

— Наши южные негры отличаются от ваших северных. Мы присматриваем за ними, заботимся, чтоб у них было достаточно еды и работы. Они бы даже не знали, что им делать с равноправием, если б они его получили!

Просвещенный мистер Аллен считает, что негры могут работать и есть и что этого довольно. Думать черным совершенно не пристало. Белые думают за них.

И белые округа Чокто сообща придумали новую судьбу для негра Вилли Кози. Пусть он уходит из округа вместе со своей женой, с шестью детьми, со своими стариками. Пусть уходит, потому что уехать ему не на чем. И пускай оставит мебель в доме, иначе он может угодить в тюрьму.

— Мы, белые граждане, никогда не сталкивались с тем, чтобы кто-либо из наших черных попадал на страницы журнала! — негодующе сказал один из членов совета по вопросам просвещения.— Если им нравится фигурировать в журнале да еще жаловаться, что им плохо живется, пусть убираются из Алабамы навсегда!

Итак, позади остался маленький дом, огород, сад, выращенный трудолюбивыми черными руками, ветхая негритянская школа. А впереди — скорбный путь, по которому нужно идти всей семьей...

Что касается журнала «Лайф», то этот журнал очутился в неудобном положении, о чем он даже откровенно признался сам в упомянутой второй статье: «Мы не ожидали такого развития событий»...

Никто не ожидал. Вилли Кози тоже не ожидал, что станет бездомным и нищим. И даже фабрикант бумажной массы мистер Демпси обманулся в своих ожиданиях. Он сказал корреспонденту:

— Я был уверен, что произойдет какое-нибудь насилие над этой черной семьей.

Иными словами: вот как благородны и великодушны мы, белые жители округа Чокто, так великодушны, что даже не линчевали это семейство!

Но последнее слово оставил за собой тот же «Лайф». Журналу неудобно было оказаться в глупом положении: хотел расписать жизнь процветающего под сводами законов негра, а под сводами обнаружился скандальный конфуз: из процветающего негр мгновенно превратился в бездомного изгнанника. Но ведь «Лайф» тоже благородный и тоже великодушный! Поэтому, еще раз вернувшись к Вилли Кози, редакция журнала торжественно объявила, что она **помогла ему перебраться в другой округ.** Пусть, мол, знают все, как «Лайф» пришел на помощь попавшему в беду негру!

Рисунок Чика ДАМАДИАНА из румынского сатирического журнала «Урзика».

«НАРОДНЫЕ КАПИТАЛИСТЫ».

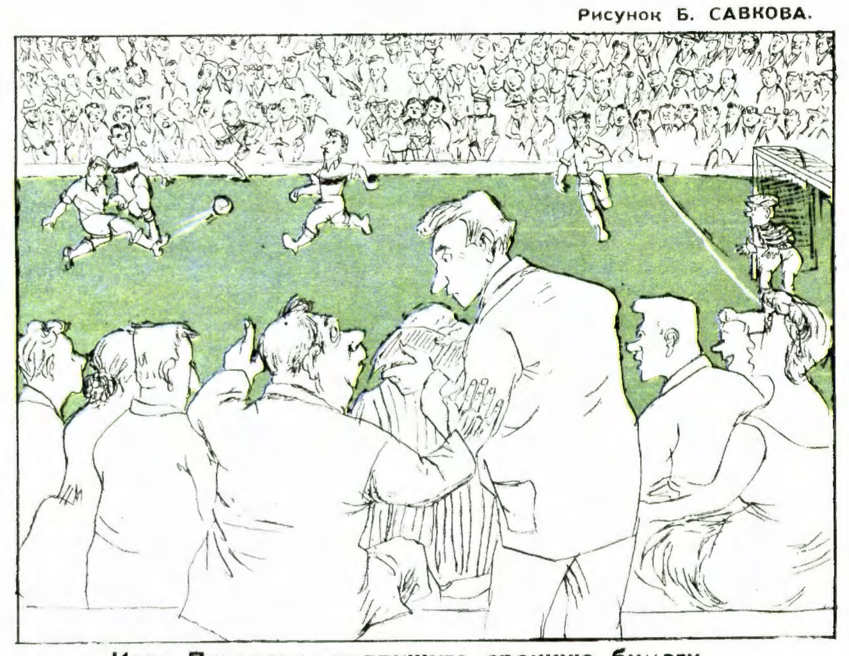
Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

В ряде городов торгующие организации завозят в магазины недостаточное количество детской обуви.
(Из писем читателей.)

— Вот тебе, мальчик, ботинки. Будь здоров, расти большой...

НА ФУТБОЛЬНОМ МАТЧЕ

Рисунок Б. САВКОВА.

— Иван Петрович, подпишите срочную бумагу.
— Вы что, порядка не знаете!! Отдайте ее секретарю, она на Южной трибуне.

ВИЛЫ В БОК

Разобрался

С виду это вполне деловая и серьезная бумага. Но у инспектора Ново-Кубанского райфинотдела И. Храмова она вызвала горький смех.

Чему же так смеялся инспектор?

Незадолго до этого И. Храмов написал рабкоровскую заметку в газету «Советская Кубань». Он нашел несправедливым увольнение с работы мастера Бароновского сепараторного отделения Иващенко.

— Что ж, — решили в редакции, — разобраться в трудовом конфликте — прямая обязанность крайкома профсоюза работников пищевой промышленности.

И заметку мигом переслали в крайком. Вскоре рукопись лежала на столе у руководителя крайкома профсоюза тов. Кириченко. Он очень быстро разобрался в запутанном вопросе и послал И. Храмову ту самую бумажку, которую так ждал рабкор и над которой он так горько смеялся.

Вот что посоветовал И. Храмову тов. Кириченко:

«Тов. Храмову И.

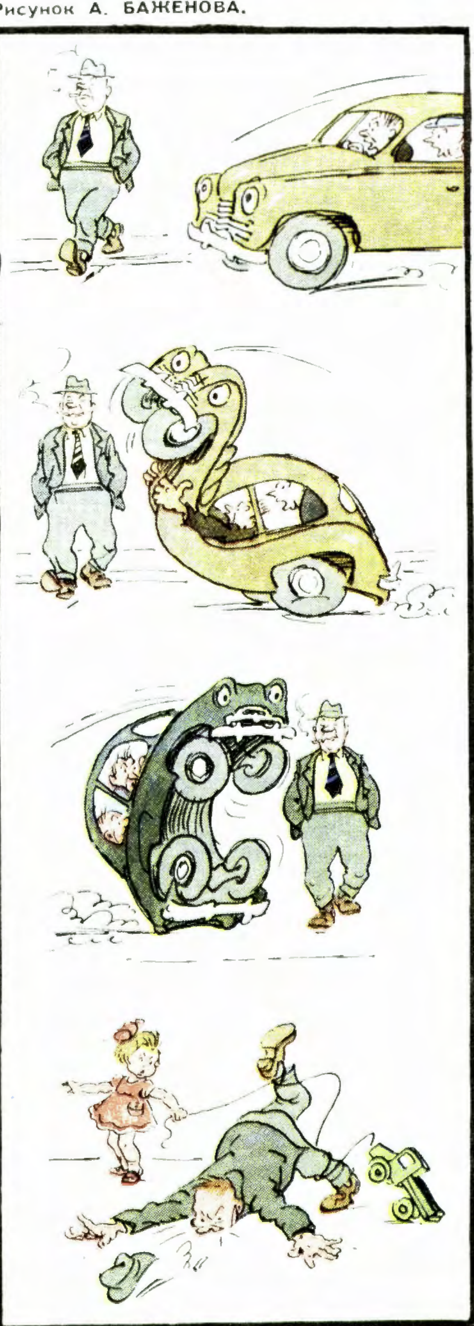
На Ваше письмо, поступившее из редакции газеты «Советская Кубань», отвечаем, что поскольку Вы занимали должность мастера, дело о восстановлении Вас (согласно общего перечня № 1) на работу не может быть рассмотрено в РКК, как первичной инстанции. По вопросу восстановления на работу Вам необходимо обратиться в порядке подчиненности в трест, главк, министерство».

Так тов. Кириченко в одно мгновение перевел инспектора райфинотдела на должность мастера, уволил его и тут же дал ему заботливый совет, как поступать далее.

Не всякий наделен такой завидной оперативностью!

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

ПЕШЕХОД-ЛИХАЧ.

Необыкновенные грызуны

Работники Старо-Тукмаклинского сельпо (БАССР) в смятении. Встревожены и члены ревизионной комиссии. Неожиданная беда обрушилась на их головы: в округе завелись мыши необыкновенного свойства, пищей им служит не зерно, не сало и не сыр, а совсем другие предметы.

То, что они сожрали ватные брюки, — это еще полгоря. Но они, ненасытные, слопали две коробки пудры и запили одеколоном «Фиалка». Огорчив этим покупательниц сельпо, бессовестные грызуны перешли к другому ассортименту. Им по вкусу пришлись стеклянные изделия. Сгрызли они зеркало, 10-линейную лампу, стакан, чернильницу, а затем, окончательно обнаглев, выкурили 27 пачек папирос «Беломорканал» и запили тремя пол-литрами водки.

И вы думаете, это все? Мыши, решив окончательно разорить сельпо, набросились на так называемые метизы. Так, в их желудки попали железные вилы, портсигар, висячий замок.

Может быть, вы, читатель, сомневаетесь? Все это истинная правда. Так и записано в двух актах, составленных ревизионной комиссией сельпо и подписанных тт. Садыковым, Мусабировым и Хисамовой: «Товары на сумму 1 244 рубля 99 копеек списать, как съеденные мышами». Другой акт такого же характера составлен на сумму 268 рублей 36 копеек.

И что вы скажете! Много бумажных товаров поели мыши: разную литературу, папки для бумаги и прочее. А вот акты не сожрали. Чувствуют, какие это ценные документы!

ПРИЗРАК ГРОЗИТ ПАЛЬЦЕМ...

Роберт Льюис Стивенсон, автор знаменитого «Острова сокровищ», спит вечным сном и знать не знает, что у него появились опасные конкуренты. Наши современники Р. А. Штильмарк и В. П. Васильевский сочинили «историко-приключенческий» роман «Наследник из Калькутты», в котором среди прочих персонажей развивают бурную деятельность пираты, лжевиконты и призраки. А журнал «Знание — сила» (№№ 1 и 2 за 1957 год) осчастливил своих читателей публикацией большого отрывка из этого произведения под заглавием «Летучий голландец». Как явствует из редакционного предисловия, роман готовится к печати в Детгизе.

Да, ничего не скажешь — сила! Начинаешь читать — и сразу же видно: куда там Стивенсону! И язык не тот, и вообще...

Говорят, стиль — это человек. В данном конкретном случае стиль — это два человека. Отсюда, очевидно, его необычайная гибкость и многообразие.

Авторы «Наследника из Калькутты» умеют рубануть фразу с плеча:

«У Бернардито лязгнули зубы и лицо стало каменным...»

Умеют блеснуть самыми изысканными оборотами речи:

«Мисс Ирена махнула рукой и пока оставила талисман в обладании Лаони. Сама мисс в этот вечер тоже получила некий талисман, и масштаб счастья, который он ей сулил, был точно измерен в каратах».

Внимание ценителей высокого литературно-приключенческого слога привлекут и такие, например, шедевры:

«В доказательство мийнхер... притрагивался стэком до (!) упругих мышц...»

«...недоучившийся штурман не имел больше нужды проявлять рассеянности (!) в отношении чужих кошельков...»

А какое удивительное богатство лексикона! Вот уж истинно наши авторы за словом в карман не лезут! Живое, искрометное, оно висит у них прямо на кончике пера,— только знай стряхивай! И стряхивают. Посмотрите, как это здорово получается:

«Луна била прямо в глаза Каррачиоле».

«Музыка сладко била синьора по нервам...»

«...грохот убийственно хлестнул напряженные нервы Лорна».

«...чертовски тихо. Это действует на нервы, сакраменто!»

Кстати, разрешите вас поближе познакомить с вышеупомянутым синьором Каррачиолой, поскольку его образ раскрыт авторами особенно глубоко. Авантюрист-работорговец Каррачиола — «свежий мужчина в белом, тонком костюме». Как ему и положено по штату, он творит всевозможные злодейства, а сверх того страдает «лунным сплином». Борьба с этим оригинальным недугом при помощи спиртных напитков оказывается малоэффективной:

«...всем своим существом Каррачиола испытывал сладостно-щемящее чувство скольжения в бездну по крутой наклонной плоскости...» Но увы! «Когда, пошатываясь, он вышел на опустевшую веранду, прямо в глаза ему ударил молочно-белый луч. Круглая, лысая луна была единственным неподвижным телом в поле зрения капитана; все плясало, двигалось по параболам, но луна была неподвижной, безгласной и враждебной».

Синьор Каррачиола неотступно преследует своей ненавистью ни в чем не повинного спутника Земли. И, готовясь совершить очередное злодейство — отправить к праотцам некоего боцмана Химсвелла,— он произносит великолепнейший «лунный монолог». О таком монологе могли бы только мечтать старые провинциальные трагики.

«Опять эта проклятая луна! У, круглая ведьма, ты думаешь, тоже свидетельница? Так тебе и поверили, белая! Но что это там светится, в волнах? О, черт, верно, возвращается Лорн! Ну, мистер Химсвелл, в таком случае вы мне не нужны, а белая чертовка будет молчать!»

Бац — и нет мистера Химсвелла!

Впрочем, даже эта впечатляющая сцена бледнеет перед страшными явлениями призраков и скелетов, которые несут здесь ответственную сюжетную нагрузку. Вот, пожалуйте.

Явление первое. Кошмарная ночная встреча с кораблем-призраком... «Надпись «Летучий голландец» слабо светилась на носу. Шесть скелетов в обрывках белых саванов управляли парусами. Голые черепа излучали сияние. Лорн с полной отчетливостью видел их огненные глазные впадины и улыбающиеся оскалы челюстей. За штурвалом тоже стоял призрак в саване, положив костлявые пальцы на спицы колеса. Но самым страшным была неподвижная фигура капитана на мостике. Его лицо пересекала наискось черная повязка, закрывавшая левый глаз. Длинная шпага висела на боку. Он смотрел вперед в подзорную трубу, не обращая внимания на встречную яхту... Когда призрак промчался, Лорн увидел на корме слова: «Порт Вечность». Один из скелетов с кормы погрозил вслед яхте костлявым пальцем и потом указал на небо...»

Явление второе. Волею судей гадкий Каррачиола попадает на борт таинственного корабля. О ужас! «Несколько скелетов в белых саванах пялили на него красные зрачки из самой глубины мертвых глазных впадин. А впереди этих больших скелетов неподвижно стояло высокое привидение — моряк в старомодной треуголке, с повязкой на глазу и длинной шпагой в руке. Губы страшного призрака разжались. Раздался глухой голос, похожий на звучание надтреснутого могильного колокола: «Добро пожаловать на корабль мертвых, Джиованни Каррачиола! Я давно ищу встречи с тобой. Вспомни Малую бухту в Пирее, детоубийца!»

Явления третье, четвертое и пятое происходят на некоем острове, в негритянском невольничьем поселке. Группа отрицательных персонажей романа явилась туда с недобрыми целями. И не удивительно, что у них «волосы зашевелились на темени». Вот страсти-то! В поселке ни живой души, одни только жуткие выходцы из могил. Скелеты играют в кости, раздувают пламя в очагах и даже «веселятся в самых причудливых позах» вокруг бутылок и оловянных кружек.

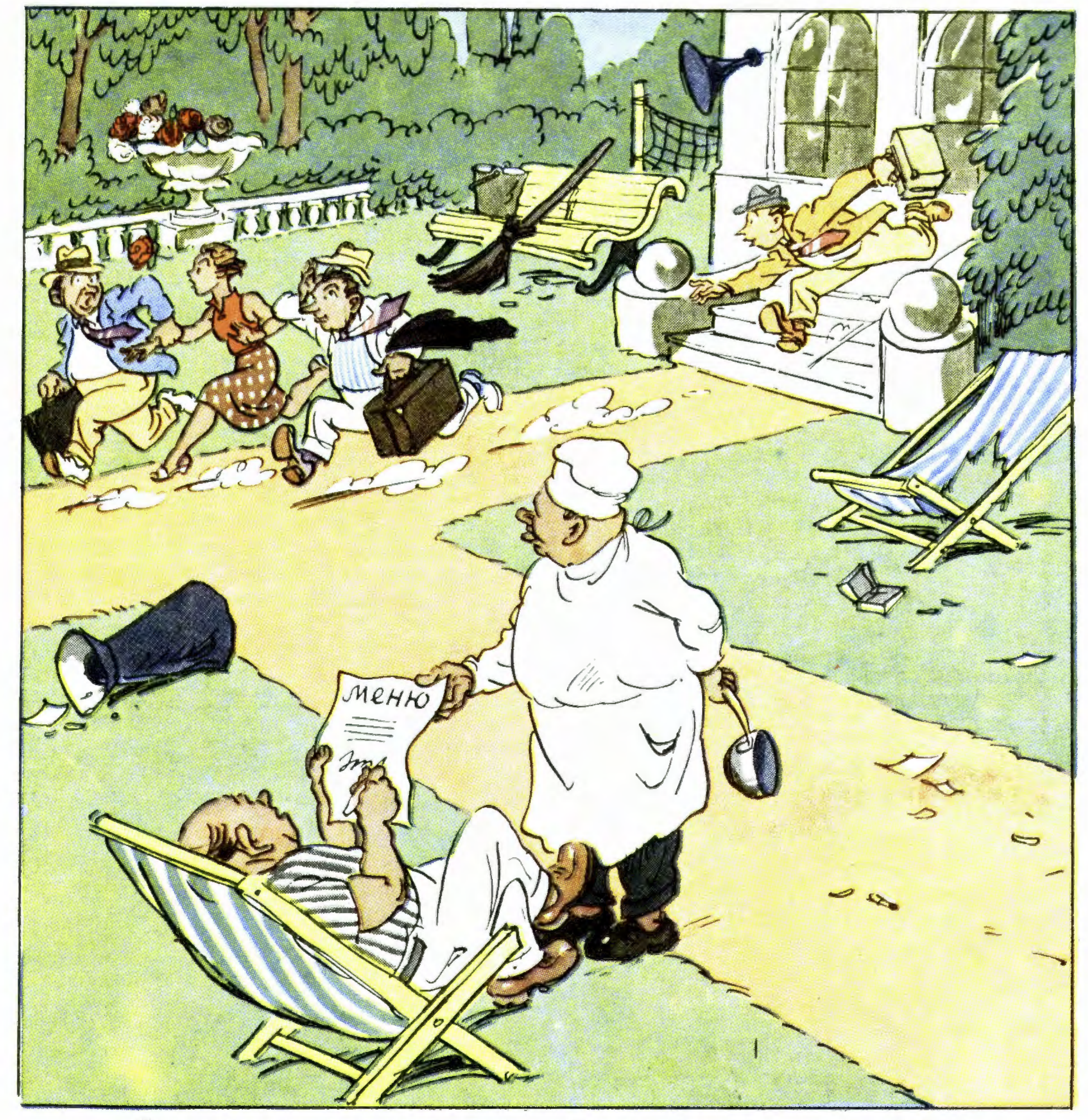
Оказывается, все эти страсти-мордасти инсценирует для устрашения своих врагов старый «благородный» пират Бернардито, он же Одноглазый капитан. Бернардито возглавляет «прогрессивно настроенную молодежь» и борется с прохвостами за некое миллионное наследство, чтобы оказать материальную поддержку... «делу Французской революции и национального освобождения Италии». Вон оно куда поворачивается от скелетов и призраков!

Ко всему этому остается добавить, что попечениями журнала «Знание — сила» опубликованный отрывок прямо-таки роскошно иллюстрирован. Тут тебе и корабль-призрак, и вездесущие скелеты, и прочие завлекательные сюжеты. А на одной иллюстрации воспроизведена «самая дьявольская из всех улыбок Одноглазого капитана».

По мнению читателей «Крокодила» А. Новикова, А. Обертынского и Л. Усенко, эта улыбка адресована кое-каким редакторам, для которых все едино: и приключенческая литература и приключенческая макулатура. К означенному мнению читателей целиком присоединяемся.

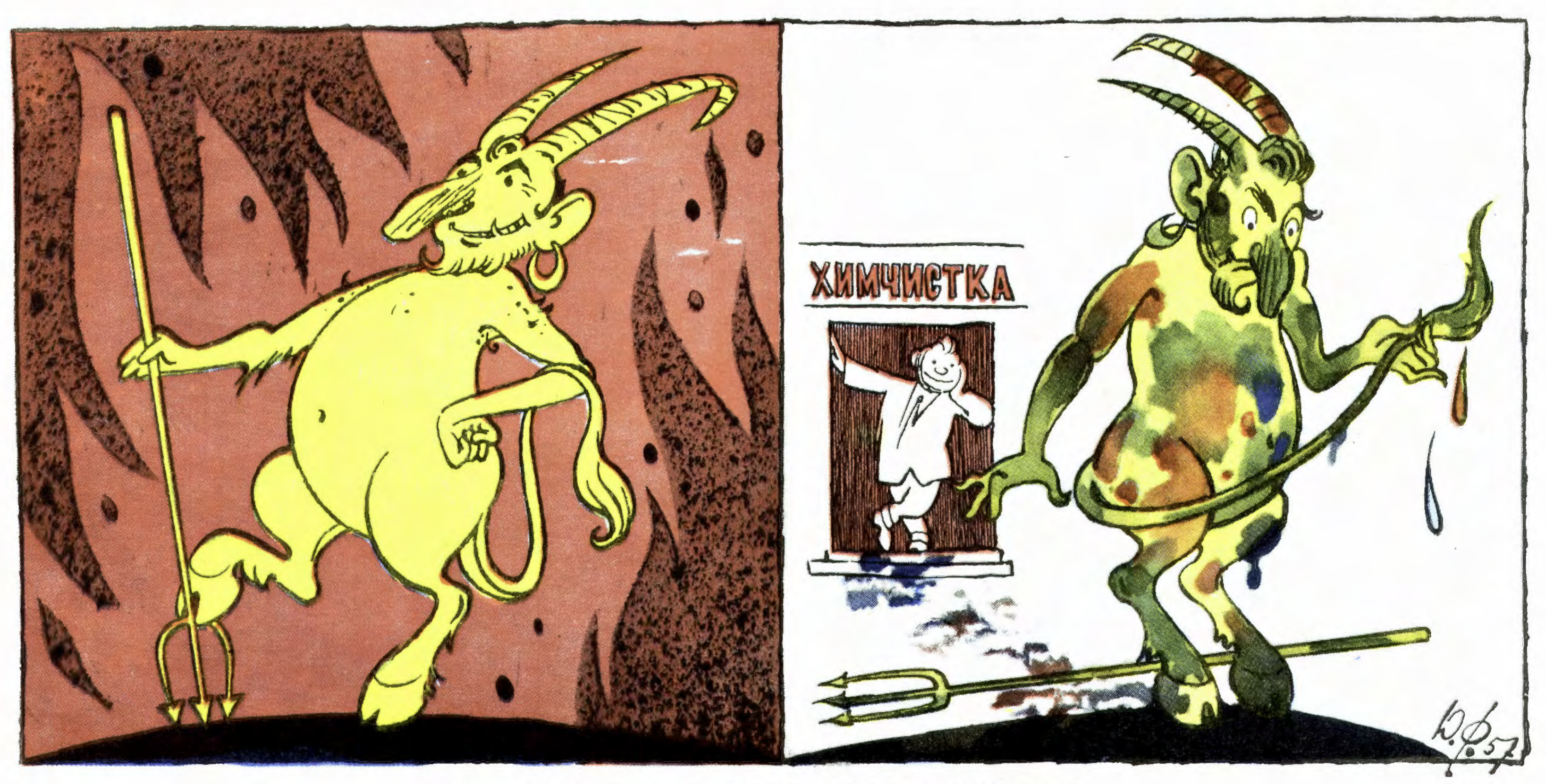
М. ЛЬВОВ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Директор санатория: — Почему все недовольны! Я здесь хорошо отдыхаю...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

НЕЧИСТЫЙ ДУХ... И ОН ЖЕ ПОСЛЕ ХИМЧИСТКИ.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Спешу поделиться с тобой рассказом о незаурядном методе обслуживания покупателей в продмаге № 1 Павловского сельпо. Зашел я туда, попросил килограмм пряников. Продавец спросил:

— А вас как обслужить: культурно или некультурно?

Придя в себя, я ответил, что, обладая оригинальным характером, предпочитаю культурное обслуживание некультурному.

— Платите тогда десять копеек!

— За что?

— За кулек. Не заплатите — понесете пряники голенькими. Таков у нас порядок.

Не желая оставлять на костюме следы муки и сахарной пудры, я выдал просимый гривенник и покинул магазин, обслуженный вполне культурно.

Ответь, пожалуйста, прав ли я, считая, что опыт работы продавцов павловского продмага заслуживает самого пристального внимания.

А. НИКИШИН

Станица Павловская,
Краснодарского края.

ОТВЕТ. Безусловно, заслуживает. Однако не могу не отметить его некоторой однобокости. Нужно, не ограничиваясь областью тары, расширить номенклатуру оплачиваемых видов культурного обслуживания. Предлагаем проект прейскуранта:

1. Пожалуйста —1 коп.
2. Будьте здоровы —5 коп.
3. Улыбка обыкновенная —10 коп. и т. д.

Применение подобной системы на практике превратит любую торговую точку в очаг культуры (копеечной).

КРОКОДИЛ

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Пожаловались как-то жители поселка Бегуницы председателю райисполкома тов. Кладову:

— Скучно у нас, культурно-массовая работа разваливается, и все из-за того, что ее центр — клуб — совсем развалился.

— Скучно? — переспросил тов. Кладов.— Подождите, будет весело...

Пообещал и построил в нашем поселке... закусочную!!!

— А клуб построю потом,— объяснил он.

«Веселья» у нас теперь хоть отбавляй. Любители горячительных напитков и холодных закусок задают в новом помещении такие концерты, что от них житья не стало.

Любезный Крокодил, разъясни тов. Кладову, что закусочные и клубы удовлетворяют разные потребности сельского населения. Вкусы молодежи в данном случае не совпадают со вкусами председателя райисполкома.

Б. МАКСИМОВ, зав. клубом.
И. ПРОСТЕТОВ, секретарь парторганизации Бегуницкой МТС.

Ленинградская обл.,
Волосовский р-н.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Хорошую и нужную книжку выпустило издательство «Молодая гвардия» — «Цветы к фестивалю»!

Прочитал я книжку, и захотелось мне во что бы то ни стало развести цветы. Особенно пришлись мне по вкусу гладиолусы. Приятно, что ни говори, украсить квартиру яркими цветами. И от слов я перешел к делу. Тем более, что автор книжки услужливо сообщал адреса питомников, где можно приобрести семена, рассаду, луковицы, клубни.

Написал я в Мценский питомник. Получил ответ: реализацией семян цветочных культур не занимаемся. Обратитесь в московскую базу.

Написал я в оптово-розничную базу треста Госзеленхоз в Москву, на Нижне-Дмитровское шоссе. Получил ответ, что луковиц гладиолуса на базе нет.

Написал я в Аткарск, в питомник. А там опять-таки порекомендовали обратиться на московскую базу Госзеленхоза.

Я не отчаялся и написал тогда в Адлер, Краснодарского края, в совхоз «Южные культуры». Оттуда ответили, что реализация посадочного материала и семян производится базой треста Госзеленхоз в Москве, на Нижне-Дмитровском шоссе.

Я снова — на базу. А там в один голос: луковиц гладиолуса нет.

Так я в конце концов и не узнал, где можно раздобыть луковицы.

Помоги же мне, дорогой Крокодил, и научи меня, каким образом можно превратить цветы бумажного красноречия в обыкновенные цветы.

Ю. МОТРОХИН

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ. Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05272. Изд. № 722. Подписано к печати 19/VI 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 1596. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Вот вам, молодежь, руль, вот весла...
— А где же гребцы?!